

Культурный код как основа внутренней формы эмотивных фразеологизмов (на материале славянских языков)

Л. А. Киселева

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: larisakiseleva2015@yandex.ru

Статья посвящена анализу образной семантики эмотивных фразеологизмов русского, болгарского, польского языков, связанной с отражением природного и предметного кодов культуры. Установлено, что в основе внутренней формы приведенных идиом лежат ассоциативные связи эмоциональных состояний и природных реалий (животных, растений, веществ, жидкостей и т.д.), а также артефактов. Многие указанные образы являются универсальными для всех анализируемых языков, однако отмечается их определенное варьирование, которое зависит от содержания фоновых знаний носителей языка.

Ключевые слова: фразеология, эмоции, славянские языки, культурный код, образная семантика.

Сопоставительное исследование фразеологического фонда разных языков в настоящее время является одним из наиболее востребованных направлений лингвистики, и это вполне объяснимо, поскольку его результаты позволяют более глубоко осмыслить целый ряд проблем, разрабатываемых в рамках не только контрастивной лингвистики, но и лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, теории и практики межкультурной коммуникации, переводоведения и т.д. Это такие вопросы, как универсальность/идиозтичность образов, лежащих в основе внутренней формы ФЕ в разных языках; закономерности трансляции образной и коннотативной семантики ФЕ в иноязычную/инокультурную среду и т.д. В ходе сопоставительного исследования ФЕ в разных языках следует учитывать выдвинутый Н. И. Толстым принцип, согласно которому «сравнительный анализ отдельных семантических систем или их фрагментов как в синхронном, так и в диахроническом аспекте требует типологического подхода, т.е. сопоставительного анализа на едином основании» [4, с. 13]. На наш взгляд, таким основанием можно считать образность, которая присуща большинству фразеологизмов и является средством создания экспрессивности как категориального признака данных единиц [2, с. 123]. При контрастивном анализе образной составляющей ФЕ в разных языках очень важным является вопрос о степени их эквивалентности, которая может выявляться в ходе тематической классификации, отражающей специфику мотивирующего основания (внутренней формы) фразеологизмов, как имеющих соответствия в другом языке/языках, так и представляющих собой лакуны [1]. Если же мы

имеем дело с фразеосистемами родственных языков, то проблема эквивалентности оказывается сопряженной с вопросом о генетических связях сопоставляемых ФЕ. Вместе с тем при реализации диахронического подхода к фразеологии славянских языков исследователь сталкивается с объективными трудностями, связанными с реконструкцией тех устойчивых оборотов, которые были характерны для языка-источника. По мнению Н. И. Толстого, уже в праславянском языке существовали те же типы фразеологизмов, что и в современных языках, но «у нас мало надежных критериев для того, чтобы утверждать, что многие из современных или исторически зафиксированных сочетаний, во-первых, бытовали в праславянскую эпоху, во-вторых, даже если такое бытование нам представляется возможным, что они не были свободными» [3, с. 275].

В данной работе мы хотели бы сосредоточить свое внимание на рассмотрении образного основания эмотивных фразеологизмов славянских языков (русского, болгарского, польского), специфика которого связана с отражением определенных кодов культуры. Обращение к данной фразеосемантической группе не случайно: эмоции представляют собой исключительно субъективный феномен, недоступный для непосредственного наблюдения и восприятия, а потому в процессе их вербализации образный потенциал языка используется в максимальной степени. Как показывает проведенное исследование, внутренняя форма эмотивных ФЕ в славянских языках отражает образную интерпретацию эмоциональной сферы с опорой на антропоморфный, натурморфный и артефактный коды культуры. Здесь мы сосредоточим свое внимание лишь на идиомах, в основе которых лежит так называемая «натуралистическая» модель метафоризации, связанная с репрезентацией природного и предметного кодов культуры. Так, многие славянские эмотивные ФЕ в образном виде описывают эмоции путем их ассоциации со свойствами и признаками различных реалий природного (шире – органического) мира: **а) животных, птиц, насекомых:** русск. *быть в телячьем восторге, глядеть бирюком (букой, волком, зверем), любить как собака палку, мухи дохнут (мрут)* и др.; болг. *гълтвам (лапвам) въдицата* 'влюбляться по уши в кого-л.' (букв. 'проглатывать удочку'), *заешки сърце* 'заячья душа' (букв. 'заячье сердце') и т.д.; пол. *nudzić się jak tops* 'разг. невыносимо (ужасно) скучать' (букв. 'скучать как мопс'), *riać z radości (ze szczęścia, z zachwytu)* 'шумно восторгаться (радоваться)' (букв. 'петь [как петух] от радости (счастья, восторга)') и др.; **б) растений:** русск. *(все) трын-трава, надоесть как горькая редька (хуже горькой редьки)* и т.д.; болг. *чувствувам се в небрано лозе* 'разг. чувствовать себя не в своей тарелке' (букв. 'чувствовать себя в неубранном винограднике'), *седя като на тръни* 'сидеть как на иголках (угольях)' (букв. 'сидеть как на колючках (шипях)') и др.; пол. *przyczepić się (uczepić się) jak rzep (do) psiego ogona* 'пристать как банный лист' (букв. 'прицепиться (уцепиться) как репей к собачьему хвосту'), *mieć z kimś na pieńku* 'быть с кем-л. не в ладах, иметь зуб на кого-л.' (букв. 'быть с кем-л. на пеньке') и т.п. [см. 1]; **в) природных объектов:** русск. *не слышать земли под собой (под*

ногами), *быть* (чувствовать себя) на <седьмом> небе, как (будто, словно, точно) гора с плеч <свалилась> и др.; болг. *планина падна от гърба ми* 'у меня гора с плеч свалилась' (букв. 'у меня гора со спины свалилась'), *на седмото небе* 'на седьмом небе' (букв. 'на седьмом небе'); пол. *być w siódmym niebie* 'быть (чувствовать себя) на седьмом небе' (букв. 'быть на седьмом небе') и др.; **г) природных явлений:** русск. *бояться как огня* (пуще огня), *как громом оглушить, метать гром и молнию* (громы и молнии, громы-молнии, молнии), *чернее тучи* и др.; болг. *като ударен от гром* 'как громом пораженный' (букв. 'как будто громом пораженный'), *като осланен* 'удрученный, потрясенный, сам не свой' (букв. 'как будто покрытый изморосью') и т.д.; пол. *patrzeć (wpatrywać się) w kogoś jak w tęczę* 'боготворить кого-л.; восхищаться кем-л.' (букв. 'смотреть на кого-л. как на радугу'), *ciskać gromy (pioruny, piorunami)* 'метать громы и молнии' (букв. 'бросать громы (молнии)') и т.д.; **д) веществ, жидкостей:** русск. *как* (будто, словно, точно) *в воду опущенный*, как (будто, словно, точно) <холодной> *водой окатить* и т.д.; болг. *вря и кипя* 'быть вне себя от ярости' (букв. 'кипеть и кипеть') и др.; пол. *w gorącej wodzie kąpany* 'вспыльчивый, нетерпеливый' (букв. 'выкупанный в горячей воде'), *zagotowało się w kimś* 'кого-л. взорвало (прорвало); кто-л. вскипел' (букв. 'закипело в ком-л.') и т.д. Сходство (а иногда и тождественность) образного основания данных ФЕ в разных славянских языках позволяет предположить, что многие из них имеют довольно древнее происхождение. Действительно, для мифопоэтического мировоззрения космологического периода (дородовой эпохи) характерно отсутствие четких границ между субъектом и объектом, человеком и природой, в какой-то мере даже отождествление того и другого [5, с. 13]. В свою очередь, это объясняется синкретизмом «дологического» (Л. Леви-Брюль) мышления: «Нерасчлененность мышления породила такие явления, как тождество разнородных предметов. <...> Мышление носило пространственный, конкретный характер; каждая вещь воспринималась чувственно (в философском смысле), и образ воспроизводил только внешнюю сторону предмета – то, что было видимо и осязаемо. Огромное значение имела слитность субъекта и объекта» [6, с. 25].

Необходимо также отметить, что семантика многих эмотивных идиом в славянских языках связана с образным воспроизведением тех ситуаций, в которые вовлечены разнообразие предметы (в том числе и артефакты). При этом представления о реалиях вещного мира обычно выражаются эксплицитной языковой формой, например: русск. *побледнеть как полотно, сиять как самовар, как* (будто, словно, точно) *на иголках, сидеть не в своей тарелке* и т.д.; болг. *прегълътна горчивия хап* 'проглотить горькую пилюлю' (букв. 'проглотить горькую пилюлю'), *левам се като гербова марка* 'разг. приставать как банный лист' (букв. 'приклеиваться, как гербовая марка'); пол. *być w dobrym (swoim) sosie* 'разг. быть в хорошем настроении' (букв. 'быть в хорошем (своем) соусе'), *rosnąć jak na drożdżach* 'испытывать чувство гордости, радоваться' (букв. 'расти как на дрожжах') и т.д. Многочисленность подобных примеров в анализируемых язы-

ках, несомненно, свидетельствует о чрезвычайной важности ассоциативных параллелей между предметными реалиями и эмоциями.

Таким образом, контрастивный анализ ФЕ в родственных языках, нацеленный на установление сходств и различий их образной семантики, позволяет выявить наиболее продуктивные метафорические и метонимические модели, используемые в процессе фразеологической репрезентации тех или иных семантических сфер. Анализ этих моделей открывает выход в область семантической типологии, в рамках которой выявляются регулярные содержательные параллели лексических и фразеологических единиц разных языков.

Литература

1. Калимуллина Л. А. Эмотивная фразеология в славянских и тюркских языках: опыт сопоставительного исследования // Достижения и перспективы сопоставительного изучения русского и других языков: VII Международный симпозиум: Доклады (Белград, 1–2 июня 2012 г.) / Отв. редактор Вера Белокапич-Шкунца. Белград, 2012. С. 143–149 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kniga.seluk.ru>.
2. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1980. 207 с.
3. Толстой Н. И. О реконструкции праславянской фразеологии // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973. С. 272–293.
4. Толстой Н. И. Избранные труды. Т. 1. Славянская лексикология и семасиология. М.: Языки славянской культуры, 1997. 521 с.
5. Топоров В. Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки естественнонаучных знаний в древности. М.: Наука, 1982. С. 8–40.
6. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Восточная литература, 1998. 800 с.

Статья рекомендована к печати кафедрой теории языка и методики его преподавания Башкирского государственного университета (канд. пед. наук, доц. А. М. Ямалетдинова)

Cultural code as the basis of inner form of emotive idioms (on the material of Slavonic languages)

L. A. Kiseleva

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: larisakiseleva2015@yandex.ru

The article is devoted to analysis of figurative semantics of emotive phraseological units in Russian, Bulgarian and Polish languages associated with the reflection of natural and material codes of culture. It is established that inner form of given idioms is based on associative connections of emotional states and objects of nature (animals, plants, substances, liquids, etc.), and artefacts. Many of given images are universal for all analyzed languages, but their specific modification occurs, which depends on content of encyclopedic knowledges of native speakers.

Keywords: phraseology, emotions, Slavonic languages, cultural code, figurative semantics.